

Научная статья

УДК 811.161.1: 81'42

DOI 10.25205/2307-1753-2023-2-160-179

Функционирование оценочных субстантивных метафор и сравнений в современной русской прозе

Наталья Анатольевна Николина¹

Зоя Юрьевна Петрова²

Наталья Александровна Фатеева³

¹ Московский педагогический государственный университет
Москва, Россия

^{2,3} Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук
Москва, Россия

¹ admin@riash.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2644-8964>

² zoyap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5390-8029>

³ nafata@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0916-1161>

Аннотация

Рассматриваются особенности функционирования оценочных компаративных тропов в текстах современной русской прозы. Материалом для анализа служат произведения Ю. Буйды, Е. Водолазкина, А. Иванова, А. Иличевского, А. Матвеевой, Д. Рубиной, О. Славниковой, Е. Чижовой, Г. Яхиной и др. Кроме того, привлекаются контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка. Показано, что для современной русской прозы характерно активное использование оценочных метафор и сравнений. Проведенное исследование подтверждает вывод о доминировании в современной художественной речи отрицательной оценки. Выделены наиболее продуктивные семантические классы образов сравнения, выражающих оценку, отмечена их эволюция в языке русской литературы. Показано, что в текстах современной русской прозы используются различные виды частных оценок, которые взаимодействуют друг с дру-

© Николина Н. А., Петрова З. Ю., Фатеева Н. А., 2023

eISSN 2307-1753

Критика и семиотика. 2023. № 2. С. 160–179

Critique and Semiotics, 2023, no. 2, pp. 160–179

гом в контексте. Рассмотрена роль оценочных компаративных тропов в организации структуры повествования.

Ключевые слова

метафора, сравнение, современная русская проза, общая оценка, частная оценка, нарративная структура

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, проект № 23-28-00060 «Динамика компаративных конструкций и типы их взаимодействия в современной русской прозе»

Для цитирования

Николина Н. А., Петрова З. Ю., Фатеева Н. А. Функционирование оценочных субстантивных метафор и сравнений в современной русской прозе // Критика и семиотика. 2023. № 2. С. 160–179. DOI 10.25205/2307-1753-2023-2-160-179

Functioning of Evaluative Substantive Metaphors and Similes in Modern Russian Prose

Natalia A. Nikolina ¹, Zoya Yu. Petrova ², Natalya A. Fateeva ³

¹ Moscow State Pedagogical University
Moscow, Russian Federation

^{2,3} V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

¹ admin@riash.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2644-8964>

² zoyap@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5390-8029>

³ nafata@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0916-1161>

Abstract

The article discusses functioning of evaluative comparative tropes in the texts of modern Russian prose. The works of Yu. Buyda, E. Vodolazkin, A. Ivanov, A. Ilichevsky, A. Matveeva, D. Rubina, O. Slavnikova, E. Chizhova, G. Yakhina and other writers are analyzed. Contexts extracted from the Russian National Corpus are also involved. It is shown that modern Russian prose is characterized by the active use of evaluative metaphors and similes. The research confirms the conclusion about the dominance of negative evaluation in modern literature. The article highlights the most productive semantic classes of images of comparison that express evaluation: zoonyms and names of artifacts, food products. The evolution of the composition of evaluative images of comparison in the language of Russian literature is noted. It is shown that in the texts of modern Russian prose various types of specific evaluation are used, which interact with each other in the context. It is concluded that the for-

mation and strengthening of evaluativeness is largely facilitated by the context, the units of which extend the axiological potential to the components of the tropes. It is noted that in modern Russian prose there are both commonly used evaluative metaphors and similes, as well as individual author's comparative tropes, which, like the author's choice of certain semantic groups of evaluative images of comparison, participate in the formation of the author's world image. The role of comparative constructions in the structure of the narrative is considered. It is shown that in modern prose texts, evaluative tropes regularly reflect the point of view of the characters, while interference of various subjective speech plans is observed. There is a tendency to use stylistically low comparison images in modern prose.

Keywords

metaphor, simile, modern Russian prose, general evaluation, specific evaluation, narrative structure

Acknowledgements

The work was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 23-28-00060 "Dynamics of comparative constructions and types of their interaction in modern Russian prose"

For citation

Nikolina N. A., Petrova Z. Yu., Fateeva N. A. Functioning of Evaluative Substantive Metaphors and Similes in Modern Russian Prose. *Critique and Semiotics*, 2023, no. 2, pp. 160–179. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2023-2-160-179

Оценочные метафоры и сравнения традиционно привлекают большое внимание исследователей. В русистике активно изучается функционирование компаративных структур, выражающих оценку, в различных видах дискурса, разрабатываются различные их классификации. Большая их часть основана на типологии оценочных слов, предложенной Н. Д. Арутюновой [1988, с. 75–77]. Эта типология позволяет разграничить оценочные и дескриптивные признаки, показать их взаимодействие, выявить уровень эмоционального / рационального в частных оценках. Развивая идеи Н. Д. Арутюновой, Е. А. Шерина [2010], Е. А. Юрина [2012] на основании характера оценочной модальности выделили семь типов оценок (этическая, интеллектуальная, эстетическая, валеологическая, психологическая, утилитарная, параметрическая). Структура и функции экспрессивно-оценочных метафор на широком языковом материале рассматривались также в работах В. Н. Телия [1988] и Е. М. Вольф [1988]. В их работах особое внимание уделялось экспрессивности и эмоциональности оценочных метафор. Общая характеристика русской метафорической системы в диахро-

нии дана в монографии [Балашова, 2014], в которой также отмечаются отдельные оценочные метафорические модели.

Ряд исследований посвящен функционированию эмоционально-оценочной лексики в художественной речи (работы Н. В. Аксеновой [2007], О. М. Вертинской [2004] и др.). В то же время остаются недостаточно изученными типы и употребление оценочных метафор и сравнений в современных художественных текстах, прежде всего в прозе. Цель нашей статьи – рассмотреть особенности функционирования субстантивных компаративных тропов, выражающих оценку, в современной русской прозе, выделить наиболее частотные семантические классы образов и предметов сравнения в этих конструкциях и определить представленные в прозаических текстах типы оценки. Материалом для анализа служат произведения Ю. Буйды, Е. Водолазкина, А. Иванова, Ш. Идиатуллина, А. Иличевского, А. Матвеевой, Д. Рубиной, О. Славниковой, Е. Чижовой, Г. Яхиной и др. Кроме того, привлекаются контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

В современной художественной прозе, как и в языке в целом, преобладает пейоративная общая оценка. Для ее выражения используются имена существительные, относящиеся к разным семантическим классам. Среди них доминируют единицы классов «Животные», «Артефакты», «Продукты питания». Приведем ряд примеров.

- Образы сравнения класса «Животные»: «Михаил давно знал, что брат убит, но семья... <...> Неужели большевики беспощадны, как *звери*?» (А. Иванов. Бронепароходы), «Я знала, знала, что ты все поймешь, – запричитала Анна Николаевна и тоже заплакала, неудобно прижимая Лидочку к своему костистому остову. Обе оплакивали свое, несбывшееся, невозможное, и в такт им неслышно плакала внутри себя усталая Жизель, все-таки сбившаяся на баллоте, в три тысячи двадцать первый раз, *корова* безмозглая, бездарная, бездарная, ни на что не годная *кляча!*» (М. Степнова. Женщины Лазаря).

- Образы сравнения класса «Артефакты»: «...Ничего, что я морочу тебе голову своими идиотскими размышлизмами? Наверное, я просто дураковатая старая *швабра*, возомнившая себя философом?» (Д. Рубина. Бабий ветер); «...и все-таки протолкнули своего кандидата, какого-то облезлого артиста с перекошенной челюстью, делающей его физиономию похожей на *левый ботинок*» (О. Славникова. Бессмертный).

- Образы сравнения класса «Продукты питания»: «Но все женщины, которых он знал прежде, в сравнении с ней казались не то *манной кашей*,

не то *тушеной капустой...*» (Л. Улицкая. Медея и ее дети); «на собственных родителей, заболевавших, как только Нина Александровна просила взять Маринку на несколько дней, и превратившихся с годами в одинаковых, с лицами, будто *сухие каменные пряники*, деревенских кулаков» (О. Славникова. Бессмертный).

Состав образов сравнения отмеченных классов относительно предшествующего периода развития литературы в современной прозе обновляется. Например, для выражения отрицательной оценки часто используется не встречавшийся ранее образ рептилии: «Вы человек холоднокровный, вы динозавр, *рептилия*, для которой писк и вопли теплокровных кажутся обеденной увертюрой, у вас от них только аппетит разыгрывается...» (А. Иличевский. Анархисты); «Я подошел к двери Зарецкого и дернул за ручку. Она оказалась запертой изнутри на крючок. Я дернул ее двумя руками, и крючок слетел. Зарецкий сидел, сложив руки на столе. Стол был чист, на нем не было даже колбасы. – Я убью тебя, гнида, – сказал я негромко. – Убьете пролетария – пойдете под суд, – так же негромко ответил Зарецкий. В его словах не было вызова, скорее – скорбь. Сидел неподвижно, и только на скуле дергался желвак. *Земноводное*. Скорбная *рептилия*» (Е. Водолазкин. Авиатор), «Нельзя жить одними рефлексами <...> Нельзя быть такой, простите, *рептилией*» (Е. Водолазкин. Соловьев и Ларионов). Метафоре *рептилия*, как и другим компаративным тропам с некоторыми опорными словами класса «Животные», характеризующими человека, можно приписать общий смысл ‘отрицание человеческой сущности’, ‘удаленность от человека на эволюционной шкале’ (ср. [Балашова, 2014, с. 262]). Такое значение традиционно имеют образные обозначения *зверь*, *животное*, *скотина*, *обезьяна* и др., которые продолжают активно использоваться и в современной прозе: «[в Соловецком лагере] Мы чувствовали себя *животными*, которых кормят на убой и которые – в отличие от обычных животных – об этом знают. Было в нашей жизни и в самом деле что-то животное – какое-то отупение было, не позволявшее приходить в отчаяние»; «– Какое главное открытие вы сделали в лагере? <...> – Я открыл, что человек превращается в *скотину* невероятно быстро» (Е. Водолазкин. Авиатор).

Отрицательная оценка в современных прозаических текстах определяется лексическими значениями и коннотациями, присущими и другим группам слов, выступающим в качестве образов сравнения компаративных конструкций. Так, лексические единицы семантических групп «Болезнь», «Отходы», «Неволя» и поля «Смерть» как элементы ценностной картины

мира регулярно выражают отрицательную оценку, которая сохраняется и при образном употреблении: «И самое же ужасное было в том, что Фрина угадала мои тайные сомнения и назвала их, и что тут можно было возразить? Рукопись *инкурабельна*, то есть не поддается лечению. *Труп*, из которого патологоанатом может вырезать несколько более или менее съедобных органов...» (Ю. Буйда. Стален); «А плод с древа познания Еве подсунул дьявол, который потом надоумил Тьюринга создать компьютер – эту *чуму* человечества» (А. Иванов. Комьюнити); «– Вот и вы его, Владимир Семенович, жалеете... Поймите, я не злорадствую. Я холоден как лед. Чем скорей такой тип – *шлак* времени – сгинет, тем чище станет наша многострадальная земля. Он как *консервная банка* в лесу – скоро ее ржа съест, а пока обрезаться можно» (А. Иличевский. Анархисты); «В тот год у Ксаны впервые появилось ощущение, будто перед носом у нее хлопнули дверью и теперь надо будет провести остаток дней в душном, смертельно надоевшем помещении, в *тюрьме* собственной жизни» (А. Матвеева. Каждые сто лет. Роман с дневником).

В семантическом поле «Смерть» как образы сравнения и средства оценки выступают не только ядерные, но и периферийные компоненты, например, слова, связанные с захоронением (*гроб, саркофаг, могила, мумия*): «И выпрыгнуть, едва мы забралась в этот старый трясучий *саркофаг* [воздушный шар], захотелось немедленно. <...> помню, считала минуты до выброски, лишь бы поскорее покинуть эту летающую *гробину*» (Д. Рубина. Бабий ветер); «Баржа чернела на реке у всех на виду, словно огромный *гроб*» (А. Иванов. Бронепароходы); «Высоченные, обрывистые, как *могилы*, волны, идут приступ за приступом» (А. Иличевский. Перс); лексические единицы со значением «Части тела мертвых животных» (такие образы сравнения характерны прежде всего для прозы О. Славниковой): «Крылов зачем-то разбил друг о друга гнилые ящики, повисшие у него в руках, будто *птичьи скелеты* с вывихнутыми крыльями» (2017), «Мать простонала, подняла под одеялом большое колено, и на ее руке, лежавшей ладонью вверх, пальцы зашевелились, будто *ножки раздавленного насекомого*» («Стрекоза, увеличенная до размеров собаки»).

Номинации старых, испорченных и поддельных предметов также реализуют пейоративную оценку, основанную на семантике 'отклонение от нормы': «Повсюду шныряли тощие кошки, похожие на гусениц, а редко попадавшиеся люди, страшноватые, как *выброшенные на помойку мягкие игрушки*, провожали погоню шаманскими жестами» (О. Славникова. 2017); «Ксения Михайловна раздражала его, как *смертельно надоевшая мебель*,

обновить которую покамест не на что, но очень хочется» (А. Матвеева. Каждые сто лет. Роман с дневником); «“Ты ведь сама свернула в этот дом!” – воскликнул Олег, сияя глазами, словно *поддельными драгоценностями*» (О. Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки).

Положительная оценка, которая, как уже отмечалось, встречается реже в современной прозе, часто выражается образами сравнения, относящимися к классам «Драгоценные и полудрагоценные камни и металлы», «Ткани», частично – «Продукты питания», см., например: «По мере того как солнце поднималось над морем, ежеминутно менялось освещение, состояние воздуха, цвет воды: вначале нежная *бирюза* с длинными прожилками темного *малахита*, затем лазоревая гладь с каждой минутой все более сгущалась до *изумрудной* зелени. Наконец чистый и яркий *сапфировый слиток* больно засиял в окружении пепельно-розовых гор...» (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы); «Второе письмо пришло через три месяца и было мягким и ласковым, *мех да шелк*» (А. Матвеева. Екатеринбург); «В шляпной коробке – невозможная, упоительная, невесомая... ах, нет слов – *белый зефир*, чудо из чудес!» (Т. Толстая. Милая Шура).

Среди семантических классов метафор, реализующих оценочное значение, заметное место занимают метафоры, связанные с восприятием физических явлений окружающего мира: свет / тьма, тепло / холод, сладость / горечь, с восприятием пространственных характеристик: высокий / низкий, широкий / узкий и др. Они образуют метафорические оппозиции, реализующие аксиологические представления носителей языка, важные для языковой картины мира (см., например, [Лакофф, Джонсон, 2004, с. 25–43; Григорьева, 2004; 2014]). Метафоры с такой семантикой достаточно часто встречаются в текстах современной прозы, с разной степенью индивидуальности воплощая традиционный семантический инвариант: «В основе союза с Лу лежал циничный по своей природе прагматизм. <...> Иногда, впрочем, в наших отношениях возникали едва заметные щелочки, через которые вдруг пробивался другой *свет* – *свет* подлинных чувств, которые мы сознательно прятали друг от друга. Но что обещает этот свет?» (Ю. Буйда. Стален); «Эта девочка [Катя] стала так дорога Ивану Диодорычу, что он принимал все, лишь бы она была счастлива. Иван Диодорыч ощущал, что ему доверили тайное чудо, будто *огонек лучинки*, и надо его сберечь» (А. Иванов. Бронепароходы); «*теплота* смысла с сердца *ледяную корку* бесчувствия»; «Временами ему чудилось, что люди совсем не имеют права на простую жизнь, что единственное оправдание человечеству – искусство. Ибо ничто иное не способно перевесить *ан-*

тарктиду ледяного ужаса и боли, которые производит существование человеческого сознания и тела» (А. Иличевский. Анархисты).

Выделяются также группы слов, в которых оценочность связана с религиозными и оккультными представлениями, и эти слова становятся образами сравнения компаративных тропов, вступающими в аксиологические оппозиции. Такие тропы часто встречаются в текстах современной прозы, в частности с опорными словами *рай / ад; ангел, богиня, богородица / дьявол, бес, ведьма*, например: «Проснешься, бывало, на даче рано утром – все спят еще. <...> распахнешь окно – радуешься. <...> Трава искрится каплями, тени на ней по-утреннему резки. Тихо, как в *Раю*. Мне почему-то кажется, что в Раю должно быть тихо» (Е. Водолазкин. Авиатор); «Из проходов надстройки на палубу, на воздух, выскакивали ошпаренные люди <...> Кате казалось, что она вырвалась из *ада*, кипящего всем своим объемом, огненного и железного, где в глухой мгле кричат и беснуются обезумевшие люди» (А. Иванов. Бронепароходы); «Кира, приехавшая на съемку очень гладко причесанная, очень скромно одетая, была как *ангел* деликатна» (О. Славникова. Прыжок в длину); «Мама была для него *Богиней*, на нее он, можно сказать, молился» (И. Ошевнева. Его высочество Том); «А эта сволочь, пардон, ни одну бабу на порог не пускает. Как *дьявол* становится, ей-богу» (А. Боссарт. Аркадия); «Серго отвечал кратко и официально, имени Маргариты никогда не упоминая, тещу же, несмотря на полное внешнее почтение, он и раньше почитал старой *ведьмой*» (Л. Улицкая. Чужие дети).

Обращает на себя внимание контекст, в котором оценочность создается благодаря слову, обозначающему атрибут святого – нимб: «А с палубы Катя увидела Ивана Дюдоревича. Капитан вышел на край мостика с револьвером в руке; фуражку он потерял, и ветер вздыбил его редкие волосы, будто полупрозрачный *нимб*» (А. Иванов. Бронепароходы).

К рассмотренной группе слов примыкают названия мифологических существ, преимущественно с негативными коннотациями: *дракон, чудовище, гарпия, кикимора* и др.: «Переезжая с места на место, я занималась на мытье посуды, или официанткой, или еще кем в подсобке ли, на кухне, боролась с мерзким чешуйчатым *драконом* своей невыразимой тоски» (Д. Рубина. Бабий ветер); «Съедемся, что ль? Ты, *кикимора* учёная, всё

равно никому не нужна. Да и мне – не очень-то... Ну, как? Соглашайся, пока я добрый!» (В. Галактионова. Спящие от печали)¹.

Рассмотрим способы выражения в современной прозе частных оценок, на основании классификации Н. Д. Арутюновой, модифицированной в более поздних работах (см. выше). В текстах современной прозы широко представлены контексты, в которых метафоры и сравнения репрезентируют сенсорную оценку (на основе звуковых, вкусовых, осязательных, обонятельных ассоциаций), например: «Самое мерзкое – ночное жужжание [комара]. Оно, пожалуй, хуже укуса. Сравнимо с *бормашиной*: еще не понятно, будет ли больно, но звук сверла уже пронизывает тебя насквозь» (Е. Водолазкин. Авиатор); «Со сладчайшей, прежней, *кремово-шоколадной* улыбкой» (А. Макушинский. Город в долине); Я вытираю ее плевком, холодный и мерзкий, как *лопнувшая жаба*, и почти кричу <...>» (С. Бурлаченко. Сорвиголова); «Глеб сыграл разученные еще в школе фрагмент из Волшебной флейты <...> и Фугу из Сонаты соль минор <...>. Он играл и наслаждался инструментом. Как он звучал! Благоухал. Раскрывался, как *букет благородного вина*...» (Е. Водолазкин. Брисбен).

К метафорам и сравнениям, выражающим сенсорные оценки, примыкают тропы, в которых образный смысл создается на основе признака 'вес', при этом с негативной оценкой связан чаще полнос тяжести: «После изгнания из Рая грех, будто *гурия*, тянет, крепит нас к земле, оттого, не побеговав, никому не спастись» (В. Шаров. Возвращение в Египет); и тропы, основанные на передаче ощущения боли («валеологическая оценка»), в них часто опорными словами являются обозначения режущих, колющих и других наносящих физический ущерб предметов: «Понимание словно распоролу душу, как *нож* распарывает живот» (А. Иванов. Бронепароходы); «Причина, по которой я опять направлялся в Неваду, в городок Топопа, касалась меня лишь вскользь, но пробивала, как *пуля* со смещенным центром, глубоко и рвано: мать моей жены, нелюдимая теща, <...> сейчас умирала после инсульта в крохотном городке в Неваде» (А. Иличевский. Чертеж Ньютона).

В некоторых контекстах наблюдается совмещение нескольких разных сенсорных оценок, например: «Ксана любовалась Дусей – аппетитная, душистая, теплая: *бриошь*, а не женщина!»; «Очень хочется кому-то дове-

---

¹ Подобные метафоры в общеязыковом плане рассматриваются в работе [Балашова, 2014, с. 262], где они прослеживаются начиная с XVIII в., при этом автор выделяет более общую оппозицию «мир людей – иномир».

ряться. Выговорить вслух все, что накопилось внутри и лежит там, такое тяжелое и черное, как свежий дымящийся асфальт» (А. Матвеева. Каждые сто лет. Роман с дневником).

Из других частных оценок чаще всего встречаются эстетические, которые направлены не только на человека, но и на весь внешний мир: «Голое весеннее солнце освещало изумрудные стволы старых деревьев и деревянный мостик с мшистыми опорами, по которым снизу, от воды, катились и катились переливчатые солнечные жемчуга...» (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы).

Эстетические оценки в компаративных конструкциях, как показывает наш материал, чаще всего сочетаются в контексте с другими видами оценок, преимущественно с сенсорными, при этом сенсорная оценка может быть выражена в контексте, например: «С треском распаивается дверь – в комнату врывается Груня: шумно и неумолимо, как летящий по рельсам паровоз» (Г. Яхина. Зулехха открывает глаза), а может присутствовать имплицитно: «Особенно когда она, пытаясь помолодеть для Ивана, покрасила свои густейшие жесткие волосы в парикмахерскую желтизну, стало заметно, что у нее лицо алкоголички, – так что даже завуч Ирина Борисовна, отпускная и золотистая, как свежий батон, встретив Софью Андреевну в универмаге, поставила брови углом над округлившимися глазами и не поздоровалась» (О. Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки) (имплицитная вкусовая оценка), «потом Нина Александровна отмывала невозможные полы до каких-то бледных вытравленных пятен, стирала в ванне забродившее, как брага, серое белье» (О. Славникова. Бессмертный) (имплицитная обонятельная оценка).

Этические оценки, выражаемые метафорами и сравнениями, также встречаются в современной прозе, они прежде всего связаны с такими семантическими классами образов сравнения, как антропоморфные и зооморфные образы. В основном они относятся к негативному полюсу оценок, например: «Дети верят в чудодейственную силу времени: убийцы, идущего по пятам» (Е. Чижова. Терракотовая старуха); «Грядущее, будто вор – похититель счастья и самой человеческой жизни – выжидает своего часа: но оно – уже здесь» (В. Галактионова. Спящие от печали); «Сегодняшний месяц вверху просто скалился. Как бандит» (В. Шапко. Грузок, what is it горка and липка?); «Прядет ледяные нитки северная зима-злюка, но даже в мороз Инка сворачивает к набережной по дороге домой» (Улья Нова. Инка); «– Вон солнце сегодня какое. Как палач! Наталья глянула на солнце, увидела в нём палача, испуганно прижала к себе спецсумочку,

обёрнутую пакетом» (В. Шапко. Синдром веселья Плуготаренко); «Рвет тела из ночи троица *садистов*-будильников – два для подстраховки» (В. Вещунов. Перекат); «Временами бывал добродушен, как провинциальный дядюшка, благороден, как чечен, чувствителен, как юноша, а то – черств, как глина, подл, как *скорпион*, обманчив, как солнце в пасмурный день, – словом, всегда противоречив: все у него зависело от настроения, от первого порыва» (П. Алешковский. Рассказы); «– Я тебе не помешаю? – раздался за спиной у Василия Ивановича тихий голос *ядовитой змеи*, не иначе *черной мамбы*» (Т. Кибиров. Генерал и его семья).

В некоторых контекстах в ряде образов сравнения тропов этическая оценка может сочетаться с эстетической: «Соня – маленькая такая, худенькая, страшенькая, сгорбленная и жутко вредная. Ну, чистая *ведьма*. С самого первого дня ей все было не так» (Е. Литинская. Откровение Оксаны); «Однако летом восемнадцатого года смертоносная революция медленно всплыла из обломков прежней жизни, словно уродливое *чудовище* из обломков кораблекрушения» (А. Иванов. Бронепароходы).

Утилитарная оценка проявляется прежде всего у образов сравнения класса «Отходы», у названий старых, испорченных, ненужных предметов, о которых уже говорилось выше. Приведем еще несколько примеров контекстов, в которых выражается оценка этого типа: «Так, постепенно, Игнатов доходит до конца ленинградского списка. Несколько не то учителей, не то университетских преподавателей; типографский работник; банковский служащий; пара заводских инженеров или механиков; домохозяйка и пара людей без определенного занятия (тунеядцы – язва на теле общества) и даже невесть как затесавшаяся в это общество модистка. В общем: *рухлядь*, еденное молью старичье, пыль истории» (Г. Яхина. Зулейха открывает глаза); «Перед нею за столом сидели сотрудницы, сами такие старые, потрепанные, крашенные, будто *никуда уже не годные малярные кисти*» (О. Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки); «Так, выйдя из домашнего мира, она вышла и из семейной религии, очерстевшего, как *третьеводнишний пирог*, православия, в котором она не видела теперь уже ничего, кроме бумажных цветов, золотых риз и всеобъемлющего суеверия» (Л. Улицкая. Искренне ваш Шурик).

Формированию или усилению определенной оценочности у опорных слов тропов может способствовать контекст, содержащий оценочные слова в прямом значении, которые распространяют свой аксиологический потенциал на образы сравнения тропов, а также лексические единицы, косвенно выражающие оценку, например: «Негодяй, прихлебывая вино,

красившее его широкий рот в сургучный цвет, с деланным испугом по-сматривал на Крылова, белки его глумливых глаз были розовые, будто *вареные креветки*» (О. Славникова. 2017); «...она, совсем не старая на вид, была как старуха (еще розоволицая, но с отдельными какими-то ужасными чертами, вроде этой челюсти или дряблых ушей, больших, как *полуснятые носки*)» (О. Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки); «Сегодня, проходя мимо старушечьего рынка, Лина невольно заметила черную редьку – она была громадная, черная и страшная, как *клизма*. От макушки тянулась вверх волосатая антенна» (А. Матвеева. Девять девяностых).

Иногда контекст способствует тому, что оценка, присущая образу сравнения тропа, меняется на противоположную – с положительной на отрицательную: «Кремль – со всеми его колокольнями, куполами – казался мне *парадным, заповедным сервизом*, из кубков которого если и пьют, то только брагу, отравленную властью» (А. Иличевский. Перс); «А бывают, знаете ли, чудные такие мальчики, прямо *ангелочки* с голубыми глазами. Такой ангелочек поймает бабочку и с вожделием отрывает ей крылышки. Тихо так, долго, внимательно, с блаженной улыбкой» (А. Макушинский. Город в долине), или с отрицательной на положительную: «Как ему было не прибиться к почтальонке Гале, румянцем и белым пушком напоминавшей племянницу *свинью* – но напоминавшей по-хорошему, в милом человеческом облике» (О. Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки).

В текстах современной прозы также встречаются случаи, когда в контексте возникает противопоставление образов по знаку их оценки, например: «Время, естественно, застыло, оно уже не текло меж пальцами, а тянулось, как *засахарившийся мед* или даже как *тесто*, хотя это слишком аппетитные метафоры для такого тягостного времени. Скорее уж *мазут*» (Т Кибилов. Генерал и его семья); «Коля был подобен верному псу, для которого замужество хозяйки не играет никакой роли. <...> Коля – обычная *дворняга*. А ей нужен *королевский дог*. Или *полудикий волкодав*» (А. Иванов. Бронепароходы).

Одной из тенденций, связанных с функционированием оценочных слов в компаративных тропах, является активное использование прецедентных имен, выступающих в качестве квазиэталонов. Среди них можно выделить следующие группы имен:

- античные мифонимы – «Вот уже высаживается <...> Антон Курбатов, прекрасный, как *Ахиллес*, и гадкий, как *Мидас*» (А. Матвеева. Есть!);

- имена литературных героев: «Твой словарный запас по-прежнему оставляет желать лучшего, Баев, ты как был *Митрофанушкой*, так и остался» (Е. Завершнева. Высотка);
- имена фольклорных персонажей и героев литературных сказок: «А еще Николай Иванович был необыкновенно красивый, просто невероятно – яркоглазый, златоволосый, улыбчивый, он казался Галочке каким-то праздничным *Лелем*, воплощением сразу всех русских народных сказок, под которые она засыпала в детстве» (М. Степнова. Женщины Лазаря).

Прецедентные имена, несущие в себе положительную оценку, могут в контексте со снижающими образ распространителями выражать ироническую экспрессию: «Взмахнув крыльями, я *пьяным Икаром* рухнул под стол и уже оттуда сдавленно взвыл» (В. Скрипкин. Тинга); «Мы доехали на автомобиле. – На машине этого *Ромео из НКВД?* А ты кем при них был? – Ему уже сорок восемь» (А. Геласимов. Рахиль).

Если сравнивать компаративные конструкции в современной прозе по структуре и силе выражения оценки, то надо отметить, что сравнения, в отличие от метафор, смягчают оценку и расширяют диапазон оснований сравнения. Например, метафора *жаба* несет в себе резко негативную оценку: «Едва Наталья Арсеновна ушла, запахнув на телесах лоснящиеся меха, Аркадий Викторович доверительным тоном стал зачем-то рассказывать, что эта дама не проста, ох, не проста: <...> она ходит в бассейн вылавливать юных мальчиков, до которых очень, очень большая охотница... – И скажу вам по секрету, Захар... <...> – что она ведь сегодня не зря сюда приходила, а, уверен, на вас второй раз глянуть. Видали, глазки-то оценивающие? – Как?! – пораженно воскликнул Захар, и его всего передернуло. – Она?! Эта... старая *жаба*?!» (Д. Рубина. Белая голубка Кордовы), в то время как в сравнениях с опорным словом *жаба* оценка значительно смягчена: «Лицо некрасивое и мрачноватое, но, улыбаясь, он становился похож на дружелюбную *жабу* из какого-то мультфильма» (Д. Рубина. Русская канарейка. Блудный сын); «Резануло: неужели кто-то и вправду считает эту тесную, душную землянку с кривобоккой, похожей на пузатую *жабу* печуркой – домом?» (Г. Яхина. Зулейха открывает глаза); «Самолет начал движение, быстро разогнался, задрожал и на секунду замер, готовый вот-вот рухнуть всей своей многотонной тяжестью на брюхо, как вздумавшая лететь *жаба*» (Е. Родченкова. Евления).

Обратимся к характеристике предметов сравнения оценочных компаративных конструкций. Анализ материала показывает, что оценочные метафоры и сравнения в современной русской прозе преимущественно носят

антропоцентрический характер: объектом сравнения и оценки выступает человек. Чаще всего оценочные метафоры и сравнения характеризуют человека в целом, как с точки зрения внешности, например: «Прибывший чуть позже, надежно накачанный лекарствами профессор обнаружил Федора Игнатовича на краешке монументального дивана, где кандидат сидел бочком, напоминая *кривую беломорину*, прилипшую к оттопыренной губе» (О. Славникова. Бессмертный); «Эта учительница природоведения была как гумба» (А. Матвеева. Теория заговора), так и с точки зрения внутренних качеств, свойств характера, например: «<...> Сдавать кровь». – «Она что – донор? – он изображает удивление. – А мне казалось – *вампир*» (Е. Чижова. Терракотовая старуха); «Стеша и Катя начистили ведро картошки, а Перчаткин так и не вернулся. <...> Все, Катерина, вахте шабаш! Ступай спать, а этого хитрого *беса* я утром заставлю котлы языком выдрать!» (А. Иванов. Бронепароходы). Почти столь же часто встречаются метафоры и сравнения, оценивающие части тела человека, например: «Вообще-то у него на башке бросались в глаза только нос-*паяльник* и придурочный парик, сидевший, как папаха» (Д. Рубина. Бабий ветер); «Маргарита, раз явившись к Катерине Ивановне домой, не забыла дороги и стала приходить по субботам, накрашенная и завитая плойкой, так что голова ее напоминала *внутренности разодранного дивана, хаос из желтой ваты и развесистых пружин*» (О. Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки).

Значительно реже предметами сравнения оценочных компаративных тропов становятся мысли и чувства человека: «...неподвижная идея зудела и свербела в генеральском мозгу, как *стекловата*, сунутая хулиганами за шиворот» (Т. Кибиров. Генерал и его семья); «Мысли ползали друг по другу, как *опарыш* на гнилом мясе, извивались, падали...» (В. Ремизов. Воля вольная); «Переезжая с места на место, я занималась на мытье посуды, или официанткой, или еще кем в подсобке ли, на кухне, боролась с мерзким чешуйчатым *драконом* своей невыразимой тоски» (Д. Рубина. Бабий ветер).

Из физических ощущений человека в компаративных тропах с оценочной семантикой в современной прозе представлена преимущественно боль, которая находит выражение в антропоморфных и зооморфных образах: «Голову все сильнее сжимала боль, как будто невидимый *палач-изувер* закручивал пыточный обруч» (И. Павская. «Джоконда» Мценского уезда); «Тело походило на лабиринт, и боль бродила там как *дикий зверь*, голодная боль» (О. Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров соба-

ки); «...и боль шелестела в горле и груди, как змея в высохшей траве, и жалила, жалила, жалила...» (Д. Рубина. Бабий ветер).

Тропы с оценочной семантикой характеризуют и окружающий человека мир, хотя и не так часто, как человека. Объектами изображения становятся природа, пейзаж: водные объекты, растения, облака, части суток и времена года, светила. Примеры подобных контекстов уже приводились выше, в частности при рассмотрении положительной эстетической оценки в тропах с опорными словами «Драгоценные и полудрагоценные камни» и «Ткани». Регулярно встречаются и контексты с отрицательной оценкой, например: «<...> зима, что уже давала себя почувствовать по утрам оловянными оттенками асфальта, пустотой лужи перед подъездом, похожей на *разбитый унитаз*» (О. Славникова. Бессмертный); «Но где-то у горизонта крадется *скорпионом* полночь» (Е. Гаммер. Звезды в земле). Наряду с описаниями природы в современных прозаических текстах встречаются оценочные метафоры, сравнения, конструкции параллелизма, характеризующие животных: «Единственными живыми существами вокруг оставались кусачие мухи. Их подвижность была невыносима – нельзя было ни понять, ни согнать, ни сгнать от их поползновений. Так подвижны *черти-служки* в аду» (А. Иличевский. Ай-Петри); «– Как вы думаете, Александр, нам удастся отстоять мои вещи? Или *чудовище* [о собаке] уволокло их в свою пещеру?..» (Т. Устинова. Чудны дела твои, Господи!), а также различные сделанные человеком предметы: «И торчат казанские минареты бестолковыми *оглоблями*, дырявят небо почем зря» (Г. Яхина. Зулейха открывает глаза); «Все эти юго-западные дома похожи друг на друга и еще – на *грубые картонные коробки из-под “Уралобуви”*» (А. Матвеева. Каждая сто лет. Роман с дневником); «Тесная школьная партa <...> больно давила на коленки и чем-то напоминала *средневековые колодки*, в которых преступника выставляли на площадь для удовольствия толпы» (О. Славникова. Бессмертный).

Оценочные метафоры и сравнения играют важную роль в организации современного прозаического текста, его нарративной структуры. Субъектом оценки выступают как нарратор, так и персонаж. При этом для современной русской прозы характерно преобладание оценочных компаративных тропов, мотивированных точкой зрения персонажа. Она может носить разный характер. В компаративных конструкциях отражаются различные особенности героев произведения:

- возрастные – «Вышел месяц из тумана, страшный, как *преступник из газет*, с ножиком в кармане, так говорил сегодня Ваня, когда считались,

кому водить. Откуда взяться карману на голубовато сияющей пижаме месяца?» (Х. Повяжжина. Валсарб);

- психологические – например, в романе О. Славниковой «Стрекоза, увеличенная до размеров собаки» образ сравнения связан с отношениями матери и дочери: «Наконец прискакала дочь, с красным носом, в разных чулках и тоже, нате вам, покрашенная, с ресницами будто *горелые стички*»;

- социальные – «Мужики на ярмарках хвастались, что наша-то барыня – ух, ей чего в рот ни положь, по самое дальше некуда отхватит, а ваш граф как есть обалдуй, *кисель* недотепный, тютя» (М. Степнова. Сад);

- профессиональные – например, в романе А. Матвеевой «Завидное чувство Веры Стениной» образы сравнения мотивируются профессией героини-искусствоведа: «Девочка чистая, как *грунтованный холст*»; «В подъезде у них всегда пахло прокисшими тряпками, как *на картинах Адриана Ван Остаде*»;

- национальные – «Не такой Шакир человек, чтоб доброе слово его успокоило. Душа у него, как *такыр*. Как сухая, голая, бесплодная земля, изрезанная глубокими трещинами» (А. Волос. Возвращение в Панджруд).

Последовательное отражение точки зрения персонажа соотносится с характерной для современной русской прозы тенденцией к использованию стилистически сниженных оценочных метафор и сравнений, в состав которых регулярно включается жаргонная и просторечная лексика. Такие лексические единицы в речи персонажа усиливают экспрессивность текста: «– Из-за МКАДа кажется, что в Москве – всё нерукотворное. <...> А потом осваиваешься, смотришь – <...> туйфта! Слабали такие же, как ты, и ничего в том нет гениального или просто умного! Секонд-хенд! Вторяк! *Нифиля* — спитая заварка!» (А. Иванов. Комьюнити); «Более того, если кто-то вдруг начнет спрашивать разрешения, значит, этот человек – лох педальный, *фраер* ушастый, *муфлон* рогатый, другими словами, чайник» (А. Моторов. Преступление доктора Паровозова), среди них нередко встречаются бранные слова.

В современных прозаических текстах ярко проявляется интерференция различных субъектно-речевых планов. Например, в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» в речи повествователя возникают оценочные сравнения, отражающие точку зрения разных персонажей – Зулейхи и Игнатовой – и выделяющие их субъектно-речевые планы, ср.: «Зулейха находит полубогоревший ошметок ковра и устраивается на нем, привалившись

спиной к стене. Мысли в голове до сих пор – тяжелые, неповоротливые, как *хлебное тесто*», «Дурные мысли, как *звонки*, вколачиваются в мозг, колют его на части. Игнатов снимает фуражку, собирает волосы в ладонь, тянет, словно хочет сорвать с черепа». При помощи компаративных тропов выражается не только самооценка персонажа, но и оценка другого, которая проявляется на фоне речи нарратора: «Игнатов смеется, трясет мокрой головой, – брызги летят во все стороны. Трет ладонями уши, бугристые от мышц плечи, острые ребра. Красивая у него все же улыбка, белая. Как *сахар*».

Итак, для современной русской прозы характерно активное использование оценочных компаративных тропов. Анализ языкового материала подтверждает вывод о преобладании в современной художественной речи, как и в языке в целом, пейоративной оценки. Для выражения оценки используются единицы разных семантических классов. Наиболее часто используются зоонимы и названия артефактов, продуктов питания. Оценка, кроме того, часто определяется лексическими значениями и коннотациями, присущими и некоторым другим группам слов. Состав оценочных образов сравнения в современной прозе обновляется: в традиционных семантических классах компаративных конструкций появляются новые элементы. В современных прозаических текстах представлены различные виды частных оценок (сенсорной, психологической, эстетической, этической и др.), при этом они, как правило, не встречаются в чистом виде, а носят синкретичный характер и накладываются друг на друга. Формированию и усилению оценочности способствует контекст, единицы которого распространяют свой аксиологический потенциал на компоненты тропов. Наряду с устойчивыми общеязыковыми метафорами и сравнениями, выражающими оценку, в современной русской прозе встречаются индивидуально-авторские тропы. Такие тропы и выбор писателем определенных семантических групп оценочных образов сравнения играют важную роль в создании авторской картины мира. Так, прозу О. Славниковой, как показывает проанализированный материал, отличает частое использование оценочных тропов с семантикой неживого, ущербного, вызывающего негативную реакцию. Рассматриваемые компаративные конструкции в современных прозаических текстах последовательно отражают точку зрения различных персонажей, которая взаимодействует с точкой зрения нарратора. Одной из тенденций, характерной для современной русской прозы, в связи с этим является стилистическое снижение образов сравнения, свя-

занное с употреблением разговорных, просторечных и жаргонных лексических единиц.

Список литературы

Аксенова Н. В. Оценочные смыслы в метафоре (на материале англоязычной литературы XX века): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2007. 19 с.

Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М.: Наука, 1988. 338 с.

Балашова Л. В. Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее. М.: ЯСК, 2014. 496 с.

Вертинская О. М. Эмоционально-оценочная лексика положительной направленности в прозе В. Набокова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2004. 26 с.

Вольф Е. М. Метафора и оценка // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 52–65.

Григорьева Т. В. Семантическая интерпретация концептов «Свет» и «Тьма» в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004. 24 с.

Григорьева Т. В. Оценочно-символическая насыщенность оппозиции 'горячий – холодный' // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова, 2014. № 5. С. 160–163.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: УРСС, 2004. 256 с.

Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 26–52.

Шерина Е. А. Национально-культурная специфика образной лексики русского языка (на материале собственно образных слов, характеризующих человека): Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2010. 367 с.

Юрина Е. А. Кулинарные образы как средство выражения оценки в русской идиоматике и метафорике // Slovo. Text. Czas XI. Frazologia slowianska w aspekcie onomazjologicznym, lingwokulturologicznym i frazeograficznym. Szczecin. Greifswald: Wydawnictwo "Zapól", 2012. S. 222–228.

References

Aksenova N. V. Otsenochnye smysly v metafore (na materiale angloyazychnoy literatury XX veka) [Evaluative meanings in metaphor (based on the material of the 20th century English literature)]. Abstract of the Cand. Philol. Sci. Diss. St. Petersburg, 2007, 19 p. (in Russ.)

Arutyunova N. D. Tipy yazykovykh znacheniy: otsenka, sobytie, fakt [Types of linguistic meanings: evaluation, event, fact]. Moscow, Nauka, 1988, 338 p. (in Russ.)

Balashova L. V. Russkaya metafora: proshloe, nastoyashchee, budushchee [Russian metaphor: past, present, future]. Moscow, Yazyki Slavyanskoy Kul'tury Publ., 2014, 496 p. (in Russ.)

Grigorieva T. V. Otsenочно-simvolicheskaya nasyshchennost' oppozitsii 'goryachiy-kholodnyy' [Evaluative-symbolic saturation of the opposition 'hot-cold']. *Vestnik Kostromskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. N. A. Nekrasova*, 2014, no. 5, pp. 160–163. (in Russ.)

Grigorieva T. V. Semanticheskaya interpretatsiya kontseptov "Svet" i "T'ma" v russkom yazyke. Avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk [Semantic interpretation of the concepts "Light" and "Darkness" in Russian]. Abstract of the Cand. Philol. Sci. Diss. Ufa, 2004, 24 p.

Lakoff J., Johnson M. Metafory, kotorymi my zhivem [Metaphors we live by]. Transl. from English, ed. by A. N. Baranov. Moscow, URSS Publ., 2004, 256 p. (in Russ.)

Sherina E. A. Natsional'no-kul'turnaya spetsifika obraznoy leksiki russkogo yazyka (na materiale sobstvenno obraznykh slov, kharakterizuyushchikh cheloveka) [National-cultural specificity of the figurative vocabulary of the Russian language (based on the material of figurative words characterizing a person)]. Cand. Philol. Sci. Diss. Tomsk, 2010, 367 p. (in Russ.)

Teliya V. N. Metafora kak model' smysloproizvodstva i ee ekspressivno-otsenochnaya funktsiya [Metaphor as a model of meaning production and its expressive and evaluative function]. In: *Metafora v yazyke i tekste* [Metaphor in language and text]. Moscow, Nauka, 1988, pp. 26–52. (in Russ.)

Vertinskaya O. M. Emotsional'no-otsenochnaya leksika polozhitel'noy napravlenosti v proze V. Nabokova [Emotional and evaluative vocabulary of a positive orientation in V. Nabokov's prose]. Abstract of the Cand. Philol. Sci. Diss. Kaliningrad, 2004, 26 p. (in Russ.)

Volf E. M. Metafora i otsenka [Metaphor and evaluation]. In: Metafora v yazyke i tekste [Metaphor in language and text]. Moscow, Nauka, 1988, pp. 52–65. (in Russ.)

Yurina E. A. Kulinarne obrazy kak sredstvo vyrazheniya otsenki v russkoy idiomatike i metaforike [Culinary images as a means of expressing evaluation in Russian idiomatics and metaphors]. In: Slovo. Text. Czas XI. Frazeologia slowianska w aspekcie onomazjologicznym, lingwokulturologicznym i frazeograficznym. Szczecin. Greifswald, Wydawnictwo “Zapól”, 2012, pp. 222–228. (in Russ.)

Информация об авторах

Наталья Анатольевна Николина, кандидат филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка Института филологии, Московский педагогический государственный университет

Зоя Юрьевна Петрова, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Наталья Александровна Фатеева, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Information about the Authors

Natalia A. Nikolina, Candidate of Sciences (Philology), Professor, Professor of the Russian Language Department of the Institute of Philology, Moscow State Pedagogical University

Zoya Yu. Petrova, Candidate of Sciences (Philology), Leading Researcher, V. V. Vinogradov Russian Language Institute RAS

Natalya A. Fateeva, Doctor of Sciences (Philology), Chief Researcher, V. V. Vinogradov Russian Language Institute RAS

*Статья поступила в редакцию 11.02.2023;
одобрена после рецензирования 10.03.2023; принята к публикации 10.03.2023
The article was submitted on 11.02.2023;
approved after reviewing on 10.03.2023; accepted for publication on 10.03.2023*